

Дмитрий Шемякин

НОЧЬ ПОБЕДЫ

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ПОВЕСТЬ

Дмитрий Шемякин
Ночь Победы.
Пропагандистская повесть

<https://litres.ru/74292613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Волею случая молодой человек из 2022-го года попадает в другой 2022-й, где Победу в 1942-м одержала нацистская Германия

Дмитрий Шемякин

Ночь Победы.

Пропагандистская повесть

Глава 1

Пригородная электричка набирала скорость. За окном проплывал празднично убранный к майским праздникам город. То тут, то там висели красные флаги и билборды с репродукциями старых плакатов и фотографиями Великой Отечественной войны. Но шумной и слегка подвыпившей компании молодёжи, едущей на «вписку» в отдаленный дачный поселок, было не до любованиями красотами мегаполиса. Половина, в основном девушки, хихикая что-то увлеченно показывали друг другу в телефонах, а парни потягивали пиво, перемежая разговоры песням под гитару.

– Да у меня это 9 мая вот где стоит! – горячился, гневно сверкая глазами, Костя Полухин, двадцатилетний студент, – надоело это победобесие, бряцание оружием, хуже горькой редьки. Чем эти совки и их потомки гордятся? Тем, что народу кучу угробили, а сейчас живут хуже нищих?! Вот противно! Правильно Астафьев писал: нужно каяться в этот день на коленях, а не парады устраивать!

– Точно, Костян, я с родаками устал воевать по этому поводу, – поддакнул друг Кости Семен, бармен в модном клу-

бе. – Я им говорю: не пойдёшь ты в ваш Бессмертный полк, не хочу таскать деда на палке.

Компания расхохоталась от такого остроумия и нестройно затила «батарею».

– Вчера Мухоманский, блогер, на своем канале видос записал, – продолжил развивать тему ещё один участник компании Серёга Лапин, – говорит: так, как Сталин воевал, и дебил может воевать. Во у ватников в комментах пуканы разорвало!

Парни загоготали ещё громче. Им было хорошо вместе. Впереди была весёлая попойка, песни и девчонки, которые только для вида будут упираться.

Полухин ударил по струнам гитары и хотел ещё что-то спеть, но в их разговор неожиданно вмешалась девушка с книгой, сидевшая на соседней скамейке.

– Ребята, извините, что вмешиваюсь, – застенчиво сказала она. – Вы не правы. Девятое мая – великий праздник, а Сталину нужно сказать спасибо хотя бы за то, что вы сейчас живёте, учитесь, работаете. Умеете читать и писать и вообще, чувствуете себя людьми, а не скотом.

Сказанное было настолько неожиданным и так не вязалось с внешностью девушки, что компания мгновенно замолчала, уставившись на неё.

Внешность у девушки действительно была великолепна: светлые волосы, правильные черты лица, голубые глаза, и она несколько не вязалась с её тихим голосом. А вообще та-

кие девушки обычно редко знают, кто такой Сталин, а о событиях Великой Отечественной наслышаны разве что из сериалов.

Костя отложил гитару, внимательно и с издёвкой посмотрел на девушку. Нужно было парировать этой ватннице, так как повисла пауза и все смотрели на него – он в их компании считался самым умным.

– За то, что вмешались, извиняю, – иронически сказал Костя, – но хочу вам напомнить, золотко, что войну выиграл народ, а не Сталин, который только людей убивал да мешал воевать. Неужели такая простая мысль не может прийти в вашу красивую голову?

Костя, явно издеваясь, картинно постучал согнутым пальцем сначала по своей голове, а потом ткнул им вверх. Компания прыснула, а Полухин про себя отметил, что нужно срочно переводить разговор на другую тему и, возможно, уговорить эту кралю ехать с ними.

Голос девушки вдруг окреп и стал тоже издевательским так резко, что Костя немного растерялся.

– Ну тогда и репрессии устроил народ, – в тон ему ответила она и тоже ткнула своим пальчиком вверх. – При чём тут Сталин?

Костя даже поперхнулся от такой постановки вопроса, но, быстро взяв себя в руки, попытался зайти с другой стороны.

– Э, э! – сердито отозвался он, перейдя на «ты». – Зачем передёргивать, красавица? Кто с Гитлером дружил? Кто

Польшу на пару с ним порвал как грелку?!

Но ватница оказалась прошареной и начала гвоздить Полухина такими аргументами, половину из которых он слышал впервые, ибо на ресурсах, где он черпал информацию, про такое не говорили.

– Можно подумать с Гитлером дружил только Сталин, – с усмешкой заявила девушка. – Да и что, значит, «дружил»? Торговал – да. Но не более. Что б вы знали, та же «нейтральная Швеция» поставляла Гитлеру железную руду аж до осени 1944 года. К шведам у вас нет вопросов? Или «это нога у того, кого надо нога»? И не нужно из Польши, рвавшей на пару с нацистами Чехословакию в 1938-м, лепить, извините, целку-недотрогу. Ясно вам?

Половина компании не поняла, про какую ногу говорит эта наглая деваха, а та продолжала возить Полухина лицом по асфальту, причём в голосе девушки теперь звенел злой металл:

– Вы как себе это представляете: «народ выиграл войну»? То есть народ сам собрался в дивизии, сам сконструировал оружие, сам, без руководства, разработал планы наступления, а дурак Сталин только мешал? Да все его современники, включая врагов, писали о Сталине, как об умном, дальновидном и хитром политике.

Электричка остановилась и в вагон, толкаясь, ввалились дачники, часть из которых бестолково встала в дверях, не проходя вперёд и всем мешая. Девушка с усмешкой кивнула

на них:

– Видали? Народ самостоятельно в вагоне-то не может разместится, а вы утверждаете, что он сам войну выиграл.

Семён решил прийти на помощь другу.

– Так и выиграли вопреки Сталину, – сказал он слышанное им десятки раз на «Эхе Москвы» утверждение.

Ватница терпеливо, как маленькому, стала ему объяснять.

– Вот едем мы в электричке. Придёт она по расписанию, если машинист этого не хочет?

– Костян, чего пристал к девушке, – вмешался Лапин, – не видишь, это Скабеева от вечернего мудозвона едет.

Все снова расхохотались, но Полухин, чувствуя себя уязвленным, попытался снова усть не в меру зарвавшуюся ватницу.

– ГУЛАГи, шарашки, голодомор – вот что такое ваш совок!

– Какие тогда вопросы к нацистам? – отозвалась она. – Ведь они и шли освобождать Россию от большевиков.

– Да что они, что коммуняки – одно и то же!

Девушка откинулась на спинку сиденья и тихо, но обидно рассмеялась.

– А чего ж они тогда воевали с другом, раз они «одно и то же»? А чего ж тогда нацисты после войны побежали не в СССР, а в Канаду и США, если они «одно и то же»?

Пассажиры-дачники схлынули на одной из остановок, и в вагоне снова стало почти пусто. Компании надоело слушать

перепалку с занудой-девахой, и они вновь загнусабили «Батарейку», видимо, не зная других песен.

– Да пошла ты лесом, – наконец, вспылil Костя и вышел в тамбур, делая вид, что хочет закурить.

– Лесом, говоришь? – сказала девушка так тихо, что её никто не услышал.

Курить не хотелось. Клокоча от злости, Костя достал телефон и принялся спешно гуглить, в надежде что в Сети найдётся что ответить этой странной девушке, которая, надо признаться, уела его самолюбие. Но как назло, связь за городом была отвратительная, буква Н+ сначала превратилась в Е, а потом и вовсе исчезла. Костя тихо выругался и воровато посмотрел, что делается в вагоне. Девушка читала книгу на своей скамейке, а его друзья, забыв и о ней, и о нём, продолжали горланить песни.

Полухин сам себе удивлялся: чего он так взъелся? Надо успокоиться. Электричка стала плавно замедлять ход и вскоре остановилась на каком-то километре. Двери открылись, но не обе, а лишь одна створка. В тамбур ворвался свежий сырой весенний воздух. Прислонившись плечом к неоткрытой створке, Костя выглянул наружу с удовольствием вдыхая полной грудью. Ничего примечательного. Снег, лужи, голый лес с проталинами, где виднелась прошлогодняя прелая листва, серые, тяжелые, будто тоже набравшие воды, облака, низко висевшие над всем этим. Он снова уткнулся в телефон в надежде найти сеть. Внезапно, рассержено зашипев, от-

крылась и вторая створка двери. Не удержавшись, Костя вылетел из тамбура и кубарем скатившись по насыпи, уткнулся лицом в сугроб талого снега, треснувшись о камень, который был под ним. Электричка, будто испугавшись происшедшего, дала короткий гудок и быстро набрав скорость исчезла, оставив Костю одного в сыром заснеженном лесу.

Глава 2

Но, как ни странно, сознание Костя кажется не потерял. А может и потерял, но совсем ненадолго. Зато видимо при падении выронил свой новенький айфон, что огорчило Полухина едва ли на больше, чем полет из вагона.

Охая, потирая ушибленные места и сквозь зубы ругаясь, Костя выбрался на пустынное железнодорожное полотно. Голова гудела, брюки и куртка были в грязи, а во рту ощущался солоноватый привкус крови.

До ближайшей станции по его подсчетам было не меньше трех часов пути. Костя побрел по шпалам, тихо матерясь и размышляя, насколько быстро хватятся его друзья. Небось уже бегают и ищут его. А может как ни в чём ни бывало поют долбаную Батарейку и в ус не дуют. И девах... из-за неё, заразы, всё! Откуда она такая взялась, шибко умная...

Становилось холодно, на лес медленно опускались сумерки и туман. Костя шагал уже больше двух часов удивляясь, что не было ни одного состава, ни одного электропоезда. Рельсы блёклыми лентами уходили вдаль, по краям насыпи был всё тот же однообразный пейзаж.

Вдруг Костино ухо уловило отдаленный лязг по рельсам. Ну наконец-то! Он чуть сошел с насыпи и приготовился махать поезду или электричке, который вот-вот должны были появиться. Но из-за поворота показался не поезд и не электричка. Громко лязгая, по рельсам катилось странное сооружение, которое Костя видел в старинных фильмах. Кажется, оно называлось дрезина. В сооружении сидело четверо человек, двое из которых равномерно качали рычаг, приводящий эту колымагу в действие. Полухин, вначале поднявший руку, теперь в нерешительности замер.

Поравнявшись с Костей, транспорт остановился и одноглазый, заросший густой бородой мужик, промычал:

– Куда путь держишь, паря? Садись, подвезём!

«Паря» озадаченно смотрел на пассажиров дрезины. Все четверо были в каких-то грязных, заплатанных телогрейках и лохматых треухах. Все четверо, как один, заросли спутанными бородами до красных, навывкате, глаз.

– Мне бы до ближайшей станции, – неуверенно ответил Костя, забираясь в дрезину.

– Доедшем, – отозвался другой мужик, – тшы тшоко помогай нам, быштрее буде...

Мужик был беззубый, поэтому Костя с трудом разбирал, что тот говорит.

Полухин робко взялся за ручки приводного механизма и дрезина, снова залязгав, покатилась.

– Никак из городского рынка? – спросил первый. – Там

такие вещички купил? А чего пешком? Допуск потерял?

– С электрички выпал, – уныло отозвался Костя.

Мужики рассмеялись. Улыбнулся и Полухин. Ничего, к вечеру он сам будет смеяться над собой, лошара несчастный. Но его попутчики, как выяснилось, веселились над другим.

– Да ты шутник, паря, – утирая слёзы сказал один из них, – кто тебя в господский транспорт пустит? Не выпал, выбросили, наверно.

– В смысле? – не понял Костя.

– В коромышле, – передразнил беззубый, дыша на него водкой и все снова расхохотались. – Ты, паря, видать на самом деле упал откуда-то. Нельзя нам, холопам, в электро-транспорт.

Дыхание у Полухина перехватило, так, что он даже ненадолго перестал ворочать ручку дрезины. Что за бомжи-юмористы ему попались? Спокойно, Костян, спокойно. Если тебе это не снится, то ты попал в прошлое. Он зажмурился и открыл глаза. Всё осталось на своих местах, разве мужики тем временем достали бутылку водки и по очереди начали пить прямо из горла

«Может меня разводит кто-то, – продолжал соображать Костя. – А зачем? Я ж не герой фильма «Холоп». А что если подыграть этим алкашам?»

– Да, мужики, ушибся немного, башка гудит, – поддакнул он, – аж забыл какой сейчас год.

Его слова вызвали новый взрыв смеха. Одноглазый даже

расплескал водку и хрипло закашлялся.

– 2022-й от рождества Христова, – сквозь смех выговорил он.

«Ничего не понимаю, – думал сбитый с толку Костя, – год нынешний. Какие-то господа, мужики в телагах. Может дачники? Да сейчас даже дачники так не одеваются.»

Он решил спросить напрямик:

– А что, мужики, президент-то кто нынче? Путин?

Его попутчики опять расхохотались, но уже более вяло. Все они быстро опьянели и блаженно улыбались.

– Прешидент, – вяло ржал беззубый. – Мы што тебе, в Америке?

– Рейхскомиссар у нас. Ганс Верке. Крепко ты башкой-то, гляжу, повредился, – добавил одноглазый.

Порлухину тоже захотелось рассмеяться, но он только неуверенно мемекнул и проблеял:

– Ну у вас этот... как его... рейхскомиссар. А вообще, в России, кто главный? Путин? Скажите, что Путин!

Последние слова Костя произнёс жалобно, страстно надеясь, что эти бомжи- алкаши сейчас скинут реквизит, одноглазый откроет свой зажмуренный глаз и весело пропоёт на английский манер: сюрпра-а-айз!

Но все его надежды безжалостно разбились о новую, непонятную реальность.

– Какой России, дурень, какой Путин-мутин, – уже с раздражением ответил ещё один бородатый, который почти не

принимал участия в разговор, – тебе сказали: рейхскомиссариат Дон-Волга Великой Германии, дубина.

С этими словами он достал из кармана сигареты и закурил. Костя в каком-то помутнении смотрел на сигаретную пачку. На ней был нарисован орёл с распростёртыми крыльями, сидящий на свастике. Дрезина между тем миновала нечто вроде КПП с воротами и шлагбаумом, где одноглазый показал охраннику с белой повязкой какой-то пропуск, и въехала на станцию. Над станционной покосившейся будкой, грубо сколоченной их чёрных досок, весело полоскалось красное знамя с белым кругом внутри которого была всё та же чёрная свастика, что и на пачке. Под знаменем виднелась табличка.

«Eine Stadt fur Untermenschen № 17, – про себя прочитал Костя, немного знавший немецкий, – штатдт, то есть город... город... Город для недочеловеков номер 17.»

Полухин обессилено облокотился на ручку дрезины, попытавшись прижаться к ней лбом.

– Приехали, паря, – сказал бородатый, спрыгивая, – за то, что подвезли, заплатите изволь. Кепка у тебя, вижу, справная да пинжак. Сымай по-хорошему.

Полухин, впавший в проstration, безропотно отдал джинсовую куртку и бейсболку с орлом, которую каким-то чудом не потерял при падении из вагона. Если бы эти алкаши, курящие нацистские сиги со свастонами, потребовали бы раздеться догола, он бы, наверное, отдал бы всё.

– Вспомнил, поди, откуда ты? – спросил шепелявый, любясь бейсболкой. – Хороша, жаража – и орёл пошти как у гошпод немцев.

Новая новость о господах немцев уже не могла добить Полухина больше.

– Я... вспомнил, – медленно поговорил Костя и шатаясь, будто он пил вместе со своими попутчиками, поплёлся в сторону будки. Мужики тут же забыли о нём, принявшись выгружать на тачки из дрезины какие-то мешки.

Полухин приковылял к будке. Мысли в голове были вязкими и какими-то пустыми. Город недочеловеков. Унтерменшей. Свастика. Орёл нацистский... Не иначе это подстроила та самая деваха из электрички. Сука! Сука!! Сука!! Но такую масштабную декорацию не возможно построить! Тогда что это всё означает?!

Не придумав ничего лучшего, Костя схватился руками за доски будки и, будто смайлик из «аськи», стал медленно колотится головой о стену. Вскоре из рассеченного лба на лицо потекла кровь. Как ни странно, это его привело в чувство. Бежать. Бежать отсюда к хренам собачьим! Уж лучше в лесу, чем среди этих дебилоидов, у которых есть какие-то господа немцы.

Он спрыгнул на железнодорожное полотно, но не пойдя и двухсот метров, увидел точно такой же шлагбаум, и вышку, как при въезде.

– Выпустите меня! – задрал голову вверх, жалобно попро-

сил Полухин у охранника. – Я не отсюда!

– Аусавайс, – коротко отозвался охранник.

– Да нету у меня!! – завопил Полухин. – Я вообще не отсюда! Я домой хочу!

– Аусвайс, – бесстрастно повторил охранник.

Каменное его лицо ничего не выражало, и было непонятно, кто он – русский, немец или вообще робот, знающий только одно слово.

Полухин попытался потрясти железные ворота, но его вдруг скрутило от болезненного разряда тока. Он испуганно отскочил и всхлипывая, вернулся на вокзал, в надежде уговорить мужиков на дрезине вывезти его туда, где они его подобрали. Но вокзал был пуст. Лишь репродуктор на столбе передавал какую-то ритмичную музыку без слов.

Удар током снова немного привёл в чувство Костю. Он вполголоса выругался и поплёлся по тропинке к череде серых бараков, видневшихся недалеко за будкой.

Глава 3

Вскоре перед его глазами возникло странное поселение с каменными и деревянными старыми домами, какими-то сараями, покосившимися заборами, грязными улицами, по обочинам которых гнили нечистоты и копались свиньи. Кругом царило запустение и какое-то сонное марево, от которого хотелось опуститься на землю и тупо сидеть, уставившись в одну точку. В воздухе витал отвратительный сладковатый запах гнили.

Наконец Костя увидел и жителей, снующих по грязным улочкам и одетых, как и попутчики Полухина, в серые невзрачные одежды. На него никто не обращал абсолютно никакого внимания. Костя вглядывался в вялые лица людей и ужасался. Люди ли это?!

Лица жителей этого странного городка, так же как лицо охранника, не выражали никаких эмоций. Казалось они спят с открытыми глазами.

По спине у Полухина бежали мурашки. Кто эти грязные неопрятные люди с признаками вырождения? Костя присел на корточки у обочины и подобрал пустую бутылку. Надпись была на русском и на немецком.

«Фанта, – прочитал он, – лучший напиток в Империи.»

Логотип напитка тоже венчала свастика. Неужели...

Сознание Кости отказывалось верить в то, что он видел, но реальность властно заявляла о себе. Это место, где каким-то образом... существуют нацисты? Или их поклонники?

Полухин продолжил свою прогулку. То тут, то там попадались какие-то лавчонки и магазинчики, такие же грязные и закопчённые, как и все в этом городе. На некоторых висели лаконичные вывески, тоже на русском и на немецком: «Хлеб», «Овощи», «Водка и сигареты».

«Интересно, какие деньги в этом грёбаном Сайлент хилле?» – подумал Костя.

Он заглянул в одну из лавчонок, где за прилавком дремал

толстый неуклюжий продавец в фартуке.

– А... м... а почём... вода? – промямлил Костя, робко ткнув пальцем в витрину.

– Слепой что ли? – зевая спросил продавец. – Полрейхс-марки.

– Спа..сибо, – пробормотал Полухин и поскорее вышел на улицу.

Так. Соберись, тряпка. Раз уж тебя занесло сюда, то нужно как-то выживать. Но выживать не хотелось, хотелось упасть на колени и выть от тоски. А где-то его дружбаны выселят-ся, бухают пиво, купленное за рубли, а не за рейхсмарки, и обнимают девчонок. Красивых, ухоженных, а не со следами дебилизма на лицах...

Снова сделав над собой невероятное усилие, Полухин по-плёлся дальше.

Петляя по кривым улочкам, он вышел на небольшую площадь видимо со зданием городской администрации, над которой так же, как и на вокзале развивался флаг со свастикой. Перед зданием стоял памятник.

Это был величественный монумент, никак не вязавшийся с убогим убранством этого грязного и сонного городишки. Костя задрал голову. Огромный мускулистый атлет держал в одной руке боевой топор, украшенный рунами, а в другой отрубленную голову уродливого медведя. Вместо зубов в оскаленной его пасти были маленькие серпы и молоты. Обезглавленное туловище зверя валялось под ногами охотника. По-

стамент украшал щит с цифрами 1942 и надпись на русском и на немецком:

«Слава германскому господину-спасителю мира от иудо-большевизма».

Тут же, у памятника лежало несколько охапок увядших цветов.

Костя медленно сел у подножия монумента. Вот оно что. Значит вот как. Значит мир от иудо-большевизма спасли в ЭТОМ мире в 1942-м году и с тех пор живут себе без коммунистов. Честно говоря, как-то не очень житуха.

В памяти как назло всплыл разговор с той девахой из электрички. Неужели она права... Ну бред же... Но себе-то не соврёшь... И щипать себя бесполезно, Костян. Теперь ты... по-паданец. Тот самый, про которых сейчас очень модно писать и читать.

Получается, что вот эти люди вокруг – потомки побеждённых в 1942-м...

Стало уже совсем темно, кое- где загорелись редкие огни. Костя остановился около трёхэтажного каменного дома. Он с удивлением увидел на его крыше телевизионные антенны. Хоть телеки у них есть. Однако, может как в сказках, попроситься переночевать? В конце-то концов, они же русские люди, пусть и такие.

Костя поднялся на второй этаж и чувствуя, как колотится сердце, простучал в дверь. Открыл ему невысокий толстый мужчина лет сорока, одетого в поношенные треники и заса-

ленную майку.

– Здравствуйте, я в вашем городе впервые, заблудился, пустите переночевать, – жалобно попросил Костя.

Мужик как ни странно, не удивился.

– Ты из шестнадцатого города что-ли? – спросил мужик.
– Вас же вчера обратно увезли.

– Да, но я упал, головой ударился и не помню ни хрена, наши уехали и вот я, как дурак тут хожу, – довольно правдоподобно соврал Полухин, сам удивляясь своей невесть откуда взявшейся находчивости.

– В управу тебе надо, но она закрыта уже, – отозвался мужик. – Ладно, проходи, но завтра тогда за ночлег у меня на огороде отработаешь. Меня Федя зовут.

– Константин, – пробормотал Костя и спохватился, – только имя помню. А отработать – конечно, отработаю.

Выбирать было не из чего. В конце концов, неизвестно, пустят ли его в других квартирах и что попросят за ночлег.

Костя, робея, прошел в квартиру. Обстановка была бедна. Пахло старостью и подгоревшей едой. У стен с облупившейся краской стояли шкафы, стол и железная кровать. Зато на тумбочке находился новенький телевизор, который смотрели, видимо, жена и дочь мужика – обе такие же как он: вялые, толстые, неопрятные.

«Живут как нищие, а телек, гляди-ка, новый», – подумал Полухин, отметив также, что телевизор американской фирмы IBM.

– Жрать давай нам, – приказал мужик не то жене, не то дочери.

Вскоре на столе появилась железные миски с какой-то отвратительной на вид кашей и бутылка водки. Но выбирать не приходилось, и Костя, чокнувшись с хозяином, выпил и набросился на еду.

– Так ты что, вообще ничего не помнишь? – спросил мужик.

Полухин отрицательно покачал головой, радуясь, что его легенда снимает с него все вопросы. Водка обжигающей волной потекла по пищеводу и тёплым сполохом тихо легла в желудок. Стало хорошо и даже каша показалась вкусной. Внезапно Костя перестал жевать. А вдруг, те, про кого говорит этот Федя, и есть его друзья- Семён, Лапин и остальные?! Спросить бы, да опасно... Мужик возьмёт и сдаст его... что тут у них? Гестапо, психушки?

Внезапно его внимание привлекла телепередача. Гости в студии жаловались, злобно ругались с друг дружкой и даже дрались, а холёный ведущий вяло их разнимал.

«Всё как у нас», – хмыкнул про себя Костя, а вслух спросил:

– Хороший памятник у вас в городе. У нас, в шестнадцатом, наверное, такой же?

Но Федя как-то незаметно опьянел ещё быстрее Кости. Он еле сидел на табурете, глупо хихикая, смотрел в экран. Женщины молча встали и ушли в другую комнату. Костя пред-

принял ещё одну попытку.

– Федя, а что было в 1942-м? В честь чего памятник-то? Может я вспомню, если ты расскажешь.

Федя отвлёкся от передачи. Было видно, что он добросовестно вспоминает, но ничего дельного он так и не сказал.

– Давно это было, – пробубнил он. – Там... что-то было... воевали что ли кто-то...

– А что было-то?

– Да не знаю я, – вяло сказал он, – что-то было и было. Тебе не похеру?

Прежде чем Федя уснул прямо за столом, Костя успел всё-таки выведать, что живут они в комиссариате Дон-Волга Великой Германии, а больше он, Федя, ничего не знает и на всё ему похеру.

Когда хозяин квартиры уснул окончательно, то Костю вдруг осенило: по телеку ведь можно узнать всё и о стране, куда он попал, и вообще...

Но как назло, это грёбаное шоу, на котором его участки осыпали друг друга бранью и дрались, выясняя, кто с кем спал, никак не заканчивалось. Наконец, не вытерпел и Полухин. Он кое-как выбирался из-за стола и, плюхнувшись в рассохшееся кресло, уснул.

Глава 4

Проснувшись утром и не смотря на выпитое накануне, Костя почувствовал себя значительно лучше. В голове, наконец, укоренилась мысль, что случившиеся с ним – не розыг-

рыш и не сон. И что раз он попал сюда, то значит отсюда можно как-то свалить. Зато Федя, видимо, мучаясь похмелья, снова не пожелал отвечать на вопросы Кости. Он достал из кладовки две лопаты и протянул Полухину.

– Айда на огород.

Он вручил Косте в руки лопату и взяв с собой дочь, привел их в поле, находившееся неподалеку от дома, где уже копались и другие жители «города недочеловеков номер 17».

– Давай, отработывай, – буркнул он. – Снежанна тебе поможет.

Костя чуть не прыснул в кулак. Меньше всего толстая и неопрятная деваха вязалась с именем Снежанна. На вид ей было лет двадцать. Полухин подумал, что если Снежанну помыть, приодеть и накрасить, то можно было бы назвать даже симпатичной, если бы не пустые, как у покойника, равнодушные глаза.

Федя тем временем ушел, а Костю от побега удерживало только надежда разговорить свою напарницу. Она-то не пила накануне. И вообще, может попытаться пофлиртовать с ней?

– Учишься, работаешь? – пытался завязать знакомство Костя, исподтишка рассматривая девушку.

Снежанна сонно тыкала в землю лопатой. Она почему-то даже не спросила, как зовут его и почему он задаёт такие вопросы. Видимо, ей, как и папе, на всё было «похеру».

– А зачем учиться? – вяло удивилась Снежанна. – Еда есть, вон телевидение господ немцы нам провели недавно.

Знаешь, как интересно!

– Ага! Видел вчера! – поддакнул Костя. – Почти как у нас, – но тут же спохватился и прикусил язык.

Неожиданно для себя он спросил:

– Слушай, неужели вам нравится быть рабами у господ немцев?

Снежанна снова удивилась. Она даже перестала копать, посмотрев на Полухина сонными глазами, с трудом пытаясь обдумать сказанное Костей...

– А как? – спросила она. – Разве когда по другому-то было? Папа мой холоп у господ немцев, дедушка, прадедушка... И мои детки, если управление по рождаемости разрешит завести, будут холопами. А то плохо? Германия в беде не оставит. Вот по осени картоху соберем, староста сдаст ее господам немцам и пластинки привезет с музыкой. А по телевизору кино. Хорошо будет.

Костя, молча слушал эти слова и волосы на его голове шевелились. Дедушки, прадедушки... Пластинки с музыкой... Все рабы у немцев... Управление по рождаемости...

Снежанна меж тем разоткровенничалась:

– Вот на днях по телевидению фильм интересный показывали. Там сказали, что давным-давно господа немцы спасли нас от каких-то страшных большевиков, и мы должны быть им за это благодарны. Ведь славяне всегда лучшими прислужниками у господ немцев были. Да. Всегда так было. И если бы не господа немцы, то нас бы и не было давно. Нас

бы большевики всех перебили. Дай бог здоровья господам немцам.

Она воткнула лопату в землю и степенно, не торопясь, перекрестилась.

– Дура!! – не выдержав, заорал Костя так громко, что Снежанна вздрогнула, а на него стали оглядываться остальные «унтерменши», которые копались в поле. – Что ты городишь, тупая ты ... ?!

Он со злостью отшвырнул лопату и побежал прочь.

Мимо него опять понеслись грязные улочки и закопченные домишки. Запыхавшись, Костя остановился перед небольшой деревянной церквушкой, которая выглядела по сравнению с другими зданиями города почти нарядно. На куполах сохранились следы позолоты, а сам храм был выкрашен в небесно-голубой цвет.

Костя несмело зашел. Внутри было тихо и безлюдно. Грустные святые печально смотрели со стен. Полумрак, разбавленный редким светом свечей, как-то сразу успокоил Костю. А что если рассказать... кто тут есть, поп, батюшка, как их там, всё рассказать, что с ним случилось? Они же сами всегда говорят, что принимают гонимых... Может помогут ему как-то выбраться?

Внимание Кости привлекла икона, от вида которой он опять пошатнулся. А ведь ещё утром он думал, что его уже ничем тут не удивить.

На большой иконе в золотом окладе был изображен чело-

век с известными всему миру челкой и усиками, а над головой у него у него был... нимб.

– Сука... – прошептал Полухин, – да это Гитлер...

Гитлер был в коричневом мундире, в какой-то накидке. В одной руке к нему было копьё, а во второй книга «Майн Кампф». Взгляд у фюрера был не безумный, как в кинохронике, а добрый и даже ласковый.

– Что желаешь, сын мой? – услышал Костя густой бас за спиной.

Костя подскочил на месте от неожиданности и оглянулся. Перед ним стоял обыкновенный священник, которых и в ЕГО времени хватало. Рокочущий голос, гулко отдававшийся эхом в сводах храма, чёрная ряса и серебряный крест.

– Я... я, – промямлил Костя.

– Понимаю, – кивнул поп, – желаешь молебен заказать во славу святого Атуальфа Мюнхенского – избавителя России от безбожников-большевиков? Хорошее дело. Всего пять рейхсмарок.

Костя подавил в себе желание убежать.

– Да, желаю, – пробормотал он, – только у меня денег нет и память отшибло. Расскажите мне о... святом этом... Атуальфе Мюнхенском.

Поп поправил на груди крест и с удовольствием, видимо, соскучившись по прихожанам, нараспев заговорил, будто рассказывал сказку:

– Давным-давно, о прошлом веке, в году 1917-м власть

в России захватили богомерзкие безбожники-большевики, с антихристом Лениным. Множество православных храмов они закрыли, множество христьян убили, мор, глад и разорение пошли по России. Государю нашему пресвятому Николаю голову отрубили и на стол к Ленину поставили, пол-России голодом заморили... Но господь внял молитвам нашим, и в 1941-м пришел на нашу землю, спасти нас от нечестивых большевиков, святой Атуальф Мюнхенский, в миру Адольф Хитлер. Со своим воинством великим, собранным со всего мира. И сгинули поганные бесы-большевики и их Ленин обратно в ад, и вбил святой Атуальф кол осиновый в их поганую могилу...

Поп так увлёкся своим рассказом, что не заметил, как Костя повернулся и на цыпочках вышел из храма. И тут всё ясно.

Покинув церковь, Полухин присел на какое-то полено и обхватил голову руками. А ведь с половиной из того, что рассказывал этот поп про большевиков, он, Костя Полухин, ещё несколько дней назад всецело бы согласился. Но одно дело соглашаться, сидя у себя дома, за компом или в компании за пивом, а другое – видеть это всё... Что же делать? Валить, валить надо из этого мухосранска для этих сонных недочеловеков, считающих немцев господами и ничего не хотящими знать, кроме идиотских шоу по телеку, жратвы и музыки. Но куда? С вокзала не уехать, похоже такие города оцеплены и выбраться из них можно только по аусвайсу... Может быть

грохнуть того, у кого есть документ, и попытаться...

– Вот это встреча, – услышал он рядом с собой голос.

Костя поднял голову и обомлел. Перед ним стояла та самая девушка из электрички, по вине которой он, скорее, всего и попал сюда.

Глава 5

Теперь девушка была одета не так, как в электричке. Вместо джинсов и вязаной белой блузки на ней был бесформенный серый балахон и кирзовое сапоги. Волосы закрывала чёрная косынка. Первые несколько секунд Полухин, будто актёр немого кино беззвучно открывал рот, а потом его прорвало:

– Ты...ты... Ты меня сюда втащила?! Падла! Что это такое? Твоих рук дело? Говори, сволочь ватная! Я тебя сейчас...

Девушка не испугалась, а наоборот сердито топнула ногой, прошипев:

– Не ори, дурак, хочешь, чтобы нас слышали? Я сама не понимаю, как тут оказалась.

Но всё, что случилось с Костей за последнее время сейчас вылилось у него в истерику. Он вскочил и визгливо заорал:

– Что ты пиз...шь! Я видел, что ты спокойно ехала в вагоне, когда я в тамбур вышел! А ну отправляй меня обратно...

Он не договорил, потому что деваха точно и сильно припечатала его своей узкой белой ладошкой по щеке так, что голова у Полухина мотнулась, и он, едва не прикусив язык, замолчал. Левая щека покраснела.

– Успокоился? – жестко, но по-прежнему тихо спросила девушка. – Ты чего разверещался, как баба?! Говорят тебе, я сама не понимаю, как тут оказалась. Я заснула. Потом проснулась, вышла вроде на своей остановке, а её нет. Я пешком по шпалам, а там какие-то мужики на дрезине: давай подвезём, ну и...

– Дальше можешь не рассказывать, – буркнул успокоившийся Полухин.

Ему вдруг стало невыносимо стыдно. Вот их двое: деваха ведёт себя спокойно, а он на самом деле как последняя истеричка... А ведь и она, наверняка, хлебнула за вчерашний вечер и сегодняшний день.

Костя огляделся. Где-то недалеко несколько парней и девушек гнали стадо коров, откуда-то с соседней улицы доносились звуки музыки.

– Ты это... – пробормотал Костя, – извини, если что. Нервы ни к чёрту, сама понимаешь.

Теперь Полухин уже чувствовал, что полыхают обе щеки. От стыда.

Девушка впервые улыбнулась. Почти как тогда, в вагоне – неловкой, смущенной улыбкой.

– Да проехали, – отозвалась она, – нужно думать, как выбраться из этого кривозеркалья.

Костя почувствовал себя увереннее. Рядом хоть один человек из того мира, где люди не считают немцев за господ. То, что она вата и упоротая коммунистка, сейчас вообще

неважно.

– Может уже познакомимся, товарищ по несчастью, – спросила девушка, – меня Дарья зовут. Дарья Самойлова. Можно просто Даша.

Костя галантно склонил голову и пожал протянутую ладошку Даши, которой она минуту назад привела его в чувство.

– Полухин Константин. Можно просто Костя. Или Костян.

Из-за небольшого леска, находившегося рядом с церковью, неожиданно появилась вереница лошадей, запряженных в длинные телеги. Они заняли всю узкую дорогу, на которой стояли Костя и Даша, которые едва успели отскочить.

– Берегись! – крикнул возница первой лошади. Он выглядел как и те мужики, с чьей помощью Костя и Даша оказались в Городе дня недочеловеков №17 – заросший спутанной бородой, беззубый и с красными навывкате глазами.

Вереница быстро проехала, оставив на дороге только дымящиеся яблоки навоза.

– Поняла, куда мы попали-то, – спросил Костя, подбирая с обочины скомканную пачку от сигарет в надежде, что там что-то будет.

– Так нетрудно догадаться, – отозвалась Даша, – какое-то ответвление реальности, где СССР проиграл.

Видя, как Полухин с сожалением отбросил пустую пачку, она достала из кармана свои сигареты и протянула Косте. На пачке был всё тот же орёл с напыщенно выпяченной грудью, распростертыми крыльями и свастика.

– Имперские, – прочитал Костя, – ты, я смотрю, тут уже освоилась, на курево разжилась.

– А, – махнула рукой Даша, – пришлось шмотки свои поменять. Дали вот в довесок к этим обноскам, – она показала на своё одеяние, – пачку сигарет да три рейхсмарки.

Они отошли с обочины к какому-то забору, заросшему лопухами и заваленному мусором, и устроились на поваленном дереве. Полухин с наслаждением затаился:

– Что делать-то будем, Даша? Удалось что-то выяснить? Все, кого я тут встретил, оказались жуткими тупицами. Всё пох, ничего не надо, лишь бы телек работал.

Дарья криво усмехнулась.

– Таких у нас хватает. И с каждым годом их всё больше и больше. Вот только их, в отличии от этих, никто не завоёвывал.

Она помолчала, выпуская дым.

– Вчера вечером я разговорила тех, кому вещи меняла. Город зарыт и оцеплен по периметру. Таких городов тут, видимо, минимум, шестнадцать, раз этот семнадцатый. С цивилизацией город соединен только железной дорогой, по которой местные ездят на какой-то там рынок. Сдают мясо, зерно, тут что-то вроде колхоза у них, привозят предметы быта, ну и ещё что-то по мелочи. О том, что было в прошлом, я тоже так и не выяснила. Никто ничего толком не знает или не хочет знать.

– Ну судя по памятнику, всё закончилось не 1945-м, а в

1942-м, – уныло отозвался Полухин, – и не в нашу пользу.

– Тонкое наблюдение, – с усмешкой сказала Даша. – Ты радоваться должен, ведь что коммуняки, что фашня – одно и то же, – она явно передразнивала его, вспоминая их спор в электричке.

В Косте вновь шевельнулось раздражение. Она что думает, что если он один раз признал свою неправоту, то теперь она так и будет его носом тыкать?!

– Я вообще другое имел ввиду, – сердито сказал он.

Даша грустно усмехнулась.

– Только не обижайся, но вся беда таких как ты, Костя, что вы сами толком не занете, что имеете ввиду и что хотите.

– Каких это таких?

– Современной молодёжи. Которая изучает историю по мемасикам и сериалам. Вот какую ты книгу по истории России последнюю читал?

– А ты старая такая что ли?! Да... да я, – закипая, начал Полухин, но вдруг вспомнил что последние несколько лет вообще, кроме ленты соцсетей, ничего не читал и мгновенно остыл, – нашла блин, время. Разве до этого сейчас? Надо думать, как выбраться отсюда, а ты мне голову своими книжками забиваешь. Предлагаю снова двинуть на вокзал, может быть удастся кого-то из тех, кто выезжает из города, уговорить.

Но будка на вокзале была по-прежнему закрыта, а сам перрон был пустынен, только вдали виднелись вышки с ко-

лючкой и пулемётами.

– Придётся обратно идти, – вздохнула Даша.

Они уже повернулись, как слух Кости уловил какое-то звяканье. Оно раздавалось из-за двух вагонов, одиноко стоявших в тупике.

– Идём, – волнуясь, сказал Полухин.

За вагоном стучали путевыми молотками, ремонтируя железнодорожное полотно, несколько мужчин, одетых в обыкновенные засаленные оранжевые жилеты. Хотя что-то знакомое! Сердце Кости забилось сильнее. А вдруг они тоже не отсюда...

– Здорово, мужики, – как можно увереннее сказал он, – а как нам из города выбраться?

Мужики прекратили работу и уставились на Костю, за которого спряталась Даша.

– А вам зачем? – спросил один из них.

«Любопытство – это с одной стороны хорошо, – подумал Костя. – Хотя какая-то эмоция.» Он успел отметить, что лица этих не такие застывшие, как у большинства жителей, встреченных им в городе.

– Ну... надо, – неуверенно сказал Полухин

– Мы заплатим, – вставила Даша, выглядывая из-за спины Кости, – две рейхсмарки.

Глава 6

Все трое рабочих были молоды. Видимо, их родителям управление по рождаемости дало разрешение. У Кости даже

промелькнула мысль, а не рассказать ли им правду, но он тут же отнёс её как слишком рискованную.

– Мы... в аварию с сестрой попали – память отшибло, – жалобно сказал он, – почти ничего не помним – нас тут никто не знает, мы тут никого не знаем – нам бы в другой город.

Один из парней хохотнул:

– Бывает. У нас как-то Иван так набухался спирта и чего-то ещё, что так и не вспомнил, как его зовут. Теперь тоже ходит всех спрашивает.

Все трое заржали, а парень продолжил:

– Идите в комендатуру, пусть аусвайс ваш восстановят. Только это долго.

Костя мысленно выругался. Ещё бы не долго. Как можно восстановить то, чего в природе не существует?!

– А когда восстановят, то можно уехать? – спросила Даша.

– Если форму допуска № 19-42 выдадут, то по ней можно, – отозвался парень.

– А всем её выдают? – не отставал Полухин.

– Нет, только тем, кто на рынок едет.

– А как часто ездят?

– Раз в неделю.

Костя помедлил.

– Мужики, а... ну... давно вы так живёте? Ну у немцев в... холопах?

Он втянул голову в плечи ожидая если не удара, то хотя бы потока брани в свой адрес. Но парень ничуть не удивился.

– Крепко, видать вас садануло, – засмеялся он. – Всегда так жили. Чего не так-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.